

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

А.В. СУХАРЕВ¹

Излагаются теоретико-методологические и эмпирические основания этнофункциональной психотерапии как практической реализации этнофункционального подхода в психологии. В основании психотерапии лежит понимание психических расстройств как нарушений т.н. этнофункционального психического развития, а самой психотерапии как восстановления этих нарушений. В качестве клинической иллюстрации в статье приведен эмпирический материал работы с пациентами, страдающими наркоманиями и аффективными расстройствами.

Ключевые слова: этнофункциональный подход в психотерапии, этнофункциональная психическая архегения-анархегения, этноид, эндо- и экзопсихика, наркомания, аффективные расстройства.

Результаты применения этнофункциональной методологии в психологии освещались в различных прикладных исследованиях: этнопсихологических, психолого-педагогических, клинических и клинико-психотерапевтических (Сухарев, 1999; 2003; 2004; Сухарев, Тимохин, Шапорева, 2004). Однако в печати еще не предпринималась попытка изложить этнофункциональную теорию психотерапии, понимаемую в данном подходе, как будет показано ниже, в единстве с воспитанием и психопрофилактикой. Целью настоящей статьи является обоснование и изложение внутренне взаимосвязанной системы понятий этнофункциональной психологии, лежащей в основе психотерапии, воспитания и психопрофилактики, а также анализ основных результатов эмпирических исследований, подтверждающих правомерность концепции.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ «МОЗАИЧНОСТЬ» МЕТОДОВ ПСИХОТЕРАПИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Нарастание этнокультурно разнородных информационных потоков, обрушивающихся на человека в условиях современного кризиса культуры, усиливает этническую маргинализацию его психики, увеличивая риск возникновения психической дезадаптированности, чаще в форме депрессивных состояний (Сухарев, 2004). Разработка и внедрение «мультикультурных» концепций обучения и воспитания в условиях современной культурно-исторической ситуации еще более усугубляет данные процессы. В частности, в наших исследованиях показана роль мультикультурной среды и субкультурных влияний, особенно на ранних стадиях

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

развития психики человека как фактора риска возникновения наркотических зависимостей и эмоциональной дезадаптированности (Сухарев, 1999).

Тем не менее, в области разработки методов воспитания, психологической коррекции, психопрофилактики и психотерапии в Европе, США и России нарастает влияние концепций, прямо или косвенно опирающихся на восточные мировоззренческие системы, например: хатха йога (аутогенная тренировка); дзен буддизм (гештальттерапия); суфизм (гуманистическая психотерапия А.Ассаджоли и К.Роджерса, онтопсихология А.Менегетти), бахаизм (кросскультурная психотерапия и методы воспитания Н.Пезешкиана) (Менегетти, 2003; Орлов, 1995) и др.

В отечественной психотерапии онтопсихологическое направление, понимаемое как синтез гуманистической и глубинной психологии, достаточно ярко и исчерпывающе представлено в работах А.Б. Орлова (1995). В определении понятий «сущности» и «личности» человека автор во многом опирается на работы о «четвертом пути» суфийского философа Г.И. Гурджиева и его ученика П.Д. Успенского, использует психологическую проблематику буддизма (в частности, в изложении Н.В. Абаева, С.П. Нестеркина, Е.А. Торчинова и других), индуизма (Ш.Р. Махарши и др.) и христианства. Имеют место также психотехнические концепции, авторы которых, казалось бы, стоя на христианских позициях, рассуждают «о влиянии индивидуальной кармы» и т.п. (Кураев, 1997). В современной психотерапии часто напрямую используются также различные шаманистские техники и атрибутика, пример тому — представитель «эзотерических» психотерапевтов «белый шаман» Майк Харнер, обучавшийся у американских индейцев племен канибу и хиваро (Харнер, 1992). В частной беседе со мной в 1997 году выдающийся специалист по шаманизму, этнограф проф. В.Н. Басилов заметил по поводу книги Харнера: «Различие методов лечения племени канибу (шаман забирает душу человека в «нижний», подземный мир и там особым образом воздействует на нее) и, например, методов чукотских шаманов, где шаман забирает душу пациента в «верхний мир» вряд ли совместимо в психике европейца-христианина. Похоже, применение этих техник в условиях европейского менталитета было бы чрезмерной абсолютизацией». Согласно этнофункциональному подходу, экзотические элементы могут нарушать целостность и без того ослабленной психики пациентов и требуют дополнительных усилий на восстановление этой целостности. Перечисленные выше достаточно разнородные по научному уровню подходы объединяет одно — инокультурность, эклектичность, экзотичность для отечественной (и традиционной европейской) среды.

На наш взгляд, применение онтотерапии в современном мультикультурном обществе в особенности затруднено тем, что этнокультурное содержание нравственно-мировоззренческих отношений современного человека, как правило, разнородно. В основе невротических расстройств, по замечанию К.Г. Юнга, всегда лежат нерешенные мировоззренческие проблемы (Юнг, 1993). Сущность человека с позиций онтопсихологии («Ин-се») понимается как внекультурный принцип, который «гарантирует» действия человека в историческом процессе (Менегетти, 2003, с.100). Понимание с позиций онтопсихологии морали и нравственности, по нашему мнению, является наиболее уязвимым. По А. Менегетти этика — это абстрактный «способ самопроявления и самовыстраивания» (там же, с.38). С гуманистических позиций все культурно-этическое разнообразие че-

ловчества нивелируется, а на первый план выдвигается положение о том, что если человеком «руководят исключительно критерии и принципы социоцентрической (читай — общественной — А.С.) морали, то он неизбежно останавливается в своем развитии, а потом регрессирует в ту или иную болезнь» (*там же*, с.41). Не вполне ясно, следует ли это понимать так, что если человек скромно живет согласно общепринятым правилам, «репродуцируя» (*там же*, с.36) нравственные нормы данного общества (общепринятая нравственность в семье, на работе, верен гражданскому долгу — служил в армии, любит Родину и пр.), то он «потом регрессирует в ту или иную болезнь»? Проблема в том, что содержательных критериев, «что такое хорошо и что такое плохо» не в «пограничной ситуации», а в повседневной жизни, здесь нет вообще. С позиций онтопсихологии, «подлинная научная психология безразлична к любой морали, так как использование любых моральных критериев дезориентирует психолога, толкает его на ошибочный путь, уводит от человека» (*там же*, с.41). Получается, что учет этического аспекта гуманитарной культуры человечества в работе гуманистического психолога — это дегуманизация человека. На наш взгляд это *contradictio in adjecto*. В связи со сказанным заметим, что в современном мультикультурном обществе из психиатрической науки ушло, в частности, понятие «нравственно-го безумия» (*moral insanity*) принятое в «докризисной» европейской психиатрии в XIX веке (*Осипов*, 1923).

Возникает вопрос — в чем состоит гуманистическая традиция европейской или русской культуры в психотерапии, которая не содержит в себе «троянского коня», нарушающего нравственно-психологическую целостность психики человека? Сам термин «гуманизм» был введен в начале XIX германским педагогом Ф. Нитхаммером, ратовавшим за преподавание в школах античной классики в эпоху господства естественных наук (*Гусельцева*, 2003). Не вызывает сомнения тот факт, что европейская культура в философско-эстетическом плане коренится в античной и, прежде всего, в древнегреческой. Речь идет о древнегреческой философии, мифологии, греческой трагедии, поэзии и искусствах в целом, представленных в произведениях Гомера, Платона, Аристотеля, Эсхила, Еврипида и многих других представителей античной культуры. По мысли О. Шпенглера, имеет место морфологическое сродство явлений одной культуры, «глубокая общность форм» определенного культурного организма (*Шпенглер*, 1993, с.35). Пробразы античных представлений о мире, о душе, способы рассуждений, различные виды искусств лежат в основе европейской науки и культуры недавнего прошлого и даже, как принято считать, христианского мировоззрения — к которому вплотную подходил в своих произведениях Плотин. Несомненна и глубокая укорененность в европейской культуре и собственно христианских традиций.

В современном мире с конца XIX века и до настоящего времени в европейской культуре начали происходить радикальные изменения, которые в философии и культурологии обозначаются как «кризис культуры» и «разрушение ценностей» (*Давыдов*, 1990; *Тойнби*, 1991). Выдающийся нидерландский культуролог XX века Й. Хейзинга писал: «Повсюду царит сомнение в прочности общественного устройства, внутри которого мы живем, неясный страх перед ближайшим будущим, ощущение упадка культуры и грозящей миру гибели». Нас прямо-таки захлестывают события. В настоящее время сознание того, что мы переживаем острый, гибель-

ный кризис культуры проникло в самые широкие слои общества. Сигналом тревоги для неисчислимой массы людей во всем мире стал «Закат Европы» Шпенглера» (*Хейзинга*, 1992, с.245-247). Современная «стадия цивилизации», в понимании О. Шпенглера, является стадией упадка культуры, деградации литературы, искусства и противопоставляется целостности и органичности «стадии культуры» (*Шпенглер*, 1993).

Отход Европы от античных корней проявляется, в частности, в том, что в настоящее время там постепенно осуществляется переход от традиционного классического образования к «реальному» — в области гуманитарного образования подвергнута сомнению необходимость преподавания в школах и университетах древних языков, античной философии в пользу современной социологии, истории религий мира, иностранных языков и т.п. (в частности, сокращение количества классических гимназий). Справедливости ради следует заметить, что в европейской системе образования намечается тенденция уменьшения удельного веса гуманитарного вообще, в особенности в той его части, которая касается славистики (несмотря на увеличение количества славянских стран, вошедших в Европейский союз).

В философии и психологии, начиная с Шопенгауэра и Ницше и, далее, в гуманистической и онтопсихологии, в работах К. Юнга, а также в большинстве современных психотехник все больше обнаруживается то, что можно было бы определить как «ядовитые цветы восточного мистицизма». Эклектические «системы», построенные на этих основаниях и претендующие на универсальность, рассматриваются как достижения современной науки и часто содержат в себе неразрешимые противоречия. В этом отношении показателен, например, т.н. «эклектический психоанализ», объединяющий фрейдизм, бихевиоризм и пр. — эклектичность в современной психотерапии все более рассматривается как достоинство (*Wolberg*, 1954).

По мнению исследователей, в области кросскультурной психотерапии именно классический психоанализ является подлинно западным методом (*Dittrich, Scharfetter*, 1976; *Pfeifer, Schoene*, 1980). В своем первоначальном виде психоанализ З. Фрейда опирался на античные образы и понятия — Эрос, Танатос, катарсис, которые рассматривались как базовые комплексы Эдипа и Электры. Несомненна также существенная связь с античностью, по нашему мнению, и психодрамы, корящейся в греческой трагедии и имеющей цель достижение катарсиса (*Аристотель*, 2000). Попытки применения психоанализа в ино- и мультикультурной среде в духе «этнопсихоанализа» Ж. Деверо и др. (*Devereux*, 1978) и структурной антропологии Леви-Стросса (1985) по существу представляли собой применение «античных эталонов», неадекватных инокультурному предмету исследования. В связи с этим вполне понятно следующее замечание К.Г. Юнга: «Западный психоанализ как таковой и те направления мышления, которые он порождает, являются не более чем попытками новичка по сравнению с древними искусствами Востока» (цит. по: *Орлов*, 1995, с.197). В лице такого авторитета как Юнг европейская (евроамериканская), а вслед за ними, похоже, и российская психотерапия (за небольшим исключением) эпохи кризиса культуры в аксиологическом и содержательном отношении развернулись на Восток и фактически, в целом, расписались в слабости своих методов познания и неэффективности практики?

Мы полагаем, что это произошло именно вследствие кризиса культуры и сопутствующему ему нарастанию этнокультурной мозаичности общества и этнической маргинализации психики человека (Сухарев, 2004). Традиционные методы в мультикультурном обществе стали неэффективны в эклектичной этнокультурной среде. С другой стороны, методы, опирающиеся на экзотические культуры и мировоззрения, содержат в своей основе идеи и мироощущения, которые с трудом могут быть ассимилированы в психику человека, исходно воспитывавшегося в существовании иных экологических и культурно-конфессиональных условиях — они еще в большей мере усиливают «этнофункциональную эклектичность» психики современного человека. Давая временный эффект, такие методы после их применения оставляют в его психике когнитивно-аффективный след в виде антагонистических противоречий этнокультурно разнородных идей, ценностей, чувств и пр.

АНАЛИЗ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Язык, как известно, является важнейшим выразителем культуры, отражающим все ее внутренние противоречия, тенденции развития, упадка и пр. В России после известных преобразований 90-х годов XX в. обращает на себя внимание то, что одним из наиболее общих и повсеместно встречающихся психопатологических симптомов у человека являются нарастающие признаки алекситимии (в частности, затрудненная способность адекватно выражать свои чувства) (Блейхер, Крук, 1995, с.21,624), проявляющиеся, прежде всего, в речевой сфере. Еще Л.С. Выготский пришел к выводу, что «есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребенка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи» (Выготский, 1982-1984, с.337). По замечанию выдающегося отечественного историка и философа К.Д. Кавелина, душа народа может быть выражена только на языке этого народа — в частности, на русском языке, адекватном русской культуре (Кавелин, 1989). Современный русский язык переполнен ненужными заимствованиями слов, фразеологии, лексики и даже интонирования. Даже выражение «я чувствую дискомфорт» включает нерусское (этнофункционально рассогласованное) слово для описания самочувствия. Неспособность современной молодежи (да и не только ее) выражать свои чувства на русском языке — это уже признак алекситимии, болезненного симптома, теснейшим образом связанного с депрессивными расстройствами, наркоманией, снижением уровня творческого интеллекта и пр. Для наследования человеком русской культуры необходимо очищение языка от огромного количества неоправданно введенных слов, терминов и понятий, подменяющих привычные, родные русские слова. Особенно это касается слов и понятий, с помощью которых описывается душевная жизнь людей и их взаимоотношения.

Усиление «классического» элемента в современной русской культуре особенно актуально, по сравнению с дореволюционной Россией, именно потому, что целостность русской культуры и языка сейчас нарушена в наибольшей степени. Неразрывную связь русского, древнеславянского и классического греческого языков подчеркивал академик А.А. Шахматов (1789-1794). Русская культура и ее выразитель — русский язык коренятся в основе своей в собствен-

но древнерусском языке и народной культуре, а также в античности — классическом греческом языке и культуре (первые переводы Евангелия и Библии, христианская этика, алфавит, музыка, литература, поэзия, язык и понятия науки и т.д.). Русский филолог Ф.Ф. Зелинский писал: «К античности восходят не только те или иные отдельные наши культурные ценности, но и самое главное в европейской цивилизации — ее привычка мыслить, ее умственный строй, именно это позволяет русскому, немцу и испанцу лучше понимать друг друга, чем араба или китайца. А изучение античных языков, будучи правильно поставлено, не сводится к воспитанию ума, а тесно сплетается с *воспитанием психологическим и воспитанием нравственным* (курсив наш — А.С.), в конечном же счете служит социологическому отбору, которым совершенствуется человеческий род» (цит. по: *Гаспаров*, 1993, с.13).

Размывание целостности русского языка в наивном стремлении «приобщиться к западной цивилизации» отрывает нас от самих истоков европейской культуры. Важную здесь роль играет не только бездумное заимствование англоязычных терминов, но и копирование современного западного образа мышления, поскольку содержание сегодняшнего евроамериканского «менталитета» весьма далеко от истоков европейской культуры и, начиная от моды и кончая религиозными взглядами, подвержено сильнейшему влиянию культурной «мозаики» со всего мира и, прежде всего, с Востока. Рассматривая причины кризиса, русский мыслитель В.В. Розанов отмечал, что в России нет единой культуры, есть культ античности, культ христианства и культ естествознания, но имеет место несамостоятельность русской жизни, слепое подражание западным образцам, разрыв связей с народной культурой (*Розанов*, 1990).

Исходя из краткого анализа культурно-исторических условий, приведенного выше, можно предположить, что психотерапевтическая система, адекватная этнокультурному содержанию психики современного человека, должна отвечать как минимум двум основным требованиям: а) быть ориентированной на традиционное для данного ландшафтно-климатического региона (как системообразующего параметра) этнокультурное содержание; б) учитывать этнокультурную мозаичность общества и этническую маргинальность современного человека, психика которого подвергается непрерывному информационному воздействию элементов «мозаичной этнокультуры».

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ОСНОВАНИЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПСИХОЛОГИИ

Основным положением этнофункциональной психологии является, прежде всего, наделение этнической функцией всех отношений человека к элементам его внутренней и внешней среды (т.н. *этнофункциональной среды*), а также его психических состояний и процессов в условиях «этнокультурной мозаичности» (*Тишков*, 1993) современной цивилизации. Этнофункциональная среда характеризуется тремя группами этнических признаков (или условий этногенеза) — климато-географическими, расово-биологическими и социокультурными (включая конфессиональные) (*Брамлей*, 1983; *Козлов*, 1995). Этническая функция отношений человека либо интегрирует, либо дифференцирует его с тем или иным этносом или этнической системой. Этнофункциональный подход в психологии связан с этнопсихологическим (типологическим) методологическим принципом *дополнительности* и

позволяет избежать затруднений, возникающих при «навешивании этнических ярлыков» (*Пеэшикиан, 1993*). Этнопсихологический подход при этом можно рассматривать как предельный случай этнофункционального, когда количество этнофункциональных рассогласований элементов культуры и (или) психики человека равно нулю (это «идеальный» и на практике недостижимый случай). Этнопсихологический подход более адекватен для исследований относительно однородных этнокультурных общностей, тогда как этнофункциональный, на наш взгляд, адекватен для работы именно в условиях «этнокультурной мозаичности» современной цивилизации.

Существует большое количество исследований, подтверждающих этнокультурную относительность смысла не только психических состояний, процессов, но и соответствующих методов психотерапии — эффективных в одних регионах и культурах и неэффективных и даже вредных в других (*Лебедева, 1998; Dittrich, Scharfetter, 1987; Kleinman, 1995; Obeyesekere, 1985; Pfeifer, Schoene, 1980*).

В частности, имеют место исследования, опровергающие так называемую «гипотезу когнитивного единства человечества», утверждающую, что сами законы мышления, его логика являются независимыми от культурно-региональных условий (*Лебедева, 1998*).

С другой стороны, например, такое распространенное психопатологическое состояние как «генерализация чувства безнадежности» (*Brown, Harris, 1978*) имеет различный смысл (и, соответственно, взаимно дифференцирующую этническую функцию) для протестанта-американца, шри-ланкийского буддиста и православного русского. Для американца это чувство является досадной помехой в работе, к достижению успеха в жизни {что является добродетелью в системе протестантских ценностей (*Вебер, 1994*)}, которую могут устранить психиатры и дипломированные психотерапевты. Православный русский, наряду с тем, что он может также обратиться к врачу и психотерапевту, часть ответственности за это, по сути, греховное чувство уныния, возьмет на себя. Буддист же, испытав это состояние в зрелом возрасте, воспримет его как исходную точку для «прозрения» («весь мир — страдание» и пр.) и никогда не обратится по этому поводу к психиатру. Напротив, осмыслит это для себя в позитивном смысле как шаг к нирване (*Obeyesekere, 1985*). Вполне понятно, что методы психотерапии депрессивных состояний в буддистских культурах должны существенно отличаться, к примеру, от таковых в протестантской Европе.

Важнейшим понятием в этнофункциональной психологии является *этнофункциональное рассогласование* элементов психики — отношений, состояний, процессов (*Лазурский, 1997*). Если, например, человек предпочитает, чтобы зимы не было вообще, при этом хочет жить в Финляндии, а по своему мировоззрению считает себя буддистом, то все эти отношения этнофункционально рассогласованы друг с другом. В этнологии методологически системное понимание этничности соответствует т.н. «примордиальному» подходу («этничность в сердце») в отличие от инструменталистского (конвенционального — «этничность в голове») подхода (*Скворцов, 1996*). Целостность этничности в примордиальном смысле выдающийся американский социальный антрополог К. Гирц выразил следующим образом: «Совпадения крови, языка, привычек и т.д. выглядят необъяснимыми... Каждый родственник связан с другим, сосед — с соседом, верующий — с единоверцем не просто по причинам личной привлекательности, необходимости единства, общих

интересов или взаимных моральных обязательств, но и в значительной степени благодаря некоему абсолютному смыслу, которое эта связь имеет сама по себе» (Geertz, 1973, p.255-310).

Этническую функцию отдельных отношений мы рассматриваем в связи с необходимостью учитывать этнокультурную мозаичность современного общества. Вводится понятие *этноиды* (ранее это понятие определялось нами несколько иначе, (см. Сухарев, 2004, с.22) — как система отношений человека ко всем мыслимым этническим признакам — в «пространственном» аспекте и «временном» (в онтогенезе). Этнопсихологическое понимание *этнической идентичности* по самоопределению (например: «я — русский», «я — немец» и т.п.) в этноиде является лишь одной из его составляющих («генеральной»). *Системообразующим* в этноиде является отношение человека к группе *климато-географических* этнических признаков (*там же*). Ассимиляция этнофункционально рассогласованных элементов в целостную психику требует от человека затрат психического адаптационного потенциала, что, как правило, астенизирует психику и может привести к состоянию психической дезадаптированности.

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Этнофункциональная психотерапия (коррекция) основана на положении, что любое психическое расстройство так или иначе является результатом нарушения психического развития. Поэтому на методологическом уровне вводится понятие *архегии* как идеального прообраза естественного развития. Применительно к развитию психики человека в этнофункциональном подходе *этнофункциональная психическая архегения* — идеальный прообраз развития психики в конкретной этнокультуре. В отличие от подходов Л.С. Выготского, В. Штерна и др., *филогенез психики человека* в этнофункциональном подходе понимается в рамках определенной этнокультуры. Этнофункциональная психическая архегения является идеалом, «пределом становления вещи» (Василюк, 1984, с.505-506), к которому «стремится» этноид (см. выше) человека.

Например, есть идеальный прообраз естественного развития березы, а есть искаженное ее воплощение — из-за погодных условий, влияния человека, и пр. Это — «платоновская» идея, вернее, дополнение к античным «идеям», хотя в античности идеи развития, как таковой, не было (античность статична, самодостаточна). Идея развития появилась позже, в христианской устремленности к Богу. Соответственно, *анархегия* — это реально воспринимаемый нашими органами чувств образ развития.

Применительно к развитию психики человека в этнофункциональном подходе *этнофункциональная психическая архегения* — идеальный прообраз естественного развития психики в конкретной этнокультуре. Другими словами, это *филогенез психики человека*, который в данном подходе понимается в рамках данной этнокультуры. Этнофункциональная психическая архегения является идеалом, *пределом* (Платон, 1968, с.505-506), к которому «стремится» *этноид* (см. ниже) человека. Этнофункциональное определение понятия *этничности* в рамках данной методологии — это идеальное соответствие человека всем мыслимым этническим признакам (т.е. *этнофункциональной архегии*).

Этнофункциональная психическая анархегения определяется как реальное психическое развитие конкретного человека в определенной этнокультуре, в той или иной степени отклоняющееся от естественного развития. Это развитие соответствует общему плану филогенеза его психики и характеризуется пространственными и временными параметрами. В частности, для России это развитие может быть описано в виде последовательных стадий: 1) «сказочно-мифологической», где осуществляется сказочно-мифологическое осмысление и «прочувствование», прежде всего мира окружающей природы (ландшафта, климата и пр.), себя и др. — соотносится с «языческим» периодом русской истории; 2) «религиозно-этической» — соотносится с христианизацией Руси и 3) «научно-познавательной» — соотносится с эпохой «модернизации», цивилизацией и научным мировоззрением.

Переход от одной стадии к последующей не «отменяет» результатов предыдущей — каждая предыдущая стадия содержится в последующей в «снятом» виде — происходит смещение акцентов в развитии того или иного культурно-психологического содержания личности. Каждая стадия «сенситивна» к развитию определенных сторон отношений личности. На сказочно-мифологической стадии преимущественно развивается потребностно-эмоциональная, на религиозно-этической — нравственная и на научно-познавательной — операционная (знания, умения, навыки) сторона отношений.

Нарушения этнофункционального психического развития (та или иная степень выраженности этнофункциональной психической анархегичности) могут быть выстроены в виде иерархии различных нарушений последовательности стадий этого развития и этнофункциональных рассогласований содержания этих стадий или их сочетаний. Основными типами нарушений являются следующие:

1. *Этнофункциональное рассогласование* элементов содержания стадий психического онтогенеза с регионом рождения и проживания конкретного человека. Например, в содержании отношений к собственной внутренней и внешней среде ребенка, родившегося и проживающего в Подмосковье, преобладают сказочно-мифологические представления народов Южной Америки. Или же сам ребенок не переносит зиму, хочет жить в теплых краях, там, где нет зимы.

2. *«Выпадение»* той или иной стадии из психического онтогенеза данного человека. Например, из-за особенностей воспитания ребенка в его развитии «выпадает» сказочно-мифологическая стадия. Минувя «эстетический период», это развитие несвоевременно переходит к императиву «ты должен», т.е. к «этическому периоду» (Зеньковский, 1995, с.65-70). В таком случае эмоционально-чувственная сторона отношений ребенка не успевает сформироваться и нравственное воспитание превращается в морализирование. Данный тип нарушения мы называем «перегрузкой» религиозно-этической стадии.

3. *Нарушение последовательности* стадий психического онтогенеза происходит, в частности, если вместо определенных воспитательных усилий по нравственному воспитанию на религиозно-этической стадии психического развития ребенку предлагаются «технологические» компьютерные игры и т.п. Вариантом нарушения последовательности является, например, «забегание» религиозно-этической стадии перед сказочно-мифологической или одновременное их начало.

Этнофункциональная психическая архегения является идеальным образом развития системы отношений человека к расово-биологическим, куль-

турно-психологическим, климато-географическим и нравственно-конфессиональным этническим признакам и в *пределе* своего становления является *идеальным психическим здоровьем*. Критериями соответствия этому прообразу являются данные наук: этнологии, культурологии, истории, филологии, фольклористики, религиоведения, богословия и др., а также образы искусств, поэзии, литературы, музыки и другие. Этнофункциональная архегения психики человека есть *развитие психики* человека (ее филогенез в конкретной этнокультуре). Этнофункциональная психическая архегения составляет *психическую сущность* человека в определенной этнокультуре (в отличие от онтопсихологического понимания) (Орлов, 1995).

Экспериментальной основой введения понятия этнофункциональной психической архегении-анархегении являются исследования, проведенные как в норме, так и в патологии в различных возрастных группах. Результаты экспериментально-психологических, клинико-психотерапевтических исследований и формирующих психолого-педагогических экспериментов показали, что психическая и психосоматическая дезадаптированность достоверно усиливается с нарастанием в психике испытуемых этнофункциональных рассогласований и нарушением последовательности этнофункциональных стадий их психического развития (т.е. с усилением степени выраженности этнофункциональной психической анархегении). В свою очередь, психотерапевтическая проработка этнофункциональных нарушений этого развития достоверно повышает степень психической и психосоматической адаптированности человека (Сухарев, 2004). Этнофункциональная психическая архегения в связи с этим вводится как предел, к которому «стремится» психическое развитие человека, в частности, с уменьшением количества нарушений этого развития (уменьшением *степени выраженности этнофункциональной психической анархегении*). Психологическим критерием восстановления целостности отношений с собственной этнофункциональной психической архегенией является повышение психического адаптационного потенциала личности, запаса ее психической энергии (Курек, 1996; Dorsch, 1976; Hark, 1988) (но это не всегда непосредственно переживается личностью как чувство «прилива сил», который человек может испытывать и при приеме наркотиков; часто именно восстановление целостности этих отношений на начальном этапе требует от личности определенного напряжения, энергетических затрат — см. ниже).

Степень выраженности этнофункциональной психической анархегении может определяться количеством нарушений этнофункционального психического развития и является показателем степени психической дезадаптированности человека, его психического нездоровья, нравственно или общественно отклоняющегося поведения. Также эта степень определяется внутренней согласованностью, целостностью различных сторон отношений личности к этнофункциональной психической архегении. Этнофункциональная психическая анархегения есть реальное *психическое развитие* человека (его психический онтогенез).

В соответствии с понятиями архегении-анархегении этноид лежит в основе личности:

1. *Архегеничная личность* — имеет направленность на этнофункциональную психическую архегению, на восстановление пространственной и исторической целостности психики, повышение степени организации психики, усложнение структуры поведения человека.

2. *Анархегеничная личность* — имеет направленность на этнофункциональную психическую анархегению, разрушение психической целостности, снижение степени организации психики, ее расстройство, упрощение структуры поведения человека. Возрастание степени анархегеничности личности определяет направленность личности человека от его психической сущности на «личину», уход от самого себя к «множественной личности», не укорененной в собственной психической сущности.

Диапазон изменения степени анархегеничности личности можно проиллюстрировать на следующем примере родственных слов (при рассмотрении религиозно-этической стадии). Выстроим следующую иерархию: *личина* (ей соответствует множественная, распавшаяся личность) — *лицо* (целостная, развивающаяся личность) — *лик* (сущность). Личина множественна и лжива; лицо может меняться, но, так или иначе, отражает сущность человека; лик и есть его сущность (лик — архегеничен), он может быть только у святого, в нем виден образ Божий. Когда мы читаем о Христе: «ЕОн учил их как власть имеющий, а не как книжники» (Евангелие от Марка, 1, 22) в греческом оригинале это означает не «власть имеющий», а «*exusian echon*» — «исходящий из сущности». Нравственный смысл архегеничной личности на религиозно-этической стадии ее развития — обращение к Богу (к сущности), а анархегеничной — отвращение от Бога. Соответственно, сущностью на сказочно-мифологической стадии является душа природы, ее образы и стихии — плачущие березы, грозно нависшие тучи, леший, водяной и т.п. (Флоренский, 1994) — природа радуется, страдает, как писал Ф.И. Тютчев, «в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». Эмоционально-чувственное и сказочно-образное восприятие природных стихий сказочно-мифологической стадии на религиозно-этической наполняется нравственным смыслом — вода имеет уже освящающую функцию, земля (в русской культуре) олицетворяется Богородицей и т.п.

Степень расхождения (рассогласования) между этноидом и этнофункциональной психической архегенией человека характеризует степень диссоциации его психики. Наиболее сильной степенью выраженности этнофункциональной психической анархегении является отсутствие содержания стадий психического развития (фактически — отсутствие какого-либо воспитания — случай «Маугли»). Относительно менее патогенными являются различные варианты сочетания этнофункциональной рассогласованности содержания стадий развития с нарушением их последовательности и т.д.

Этнофункциональный механизм психического развития — это единая основа психотерапии, воспитания и психопрофилактики, это *механизм наследования культуры*. *Движущими силами* психического развития являются противоречия между этнофункциональной психической архегенией и определенными этнофункциональными нарушениями этого развития, что порождает в психике конкретного человека соответствующие конфликты. Разрешение этих конфликтов может осуществляться по следующим типам (возможно одновременное разрешение по различным типам).

1. *Распад* — регрессивное разрешение конфликта. Психика не выдерживает перегрузок и переходит на онтогенетически предшествующий уровень развития системы отношений (т.е. интеллектуальный, эмоциональный или нравственный регресс, проявляющиеся, например, в инфантильном отношении к жизни, реализованном в наркотизации (Пятницкая, 1994).

2. *Задержка* — «клапанное» разрешение конфликта. Конфликт «консервируется», происходит торможение психического развития — возникающее вследствие конфликта психическое напряжение время от времени неконструктивно «сбрасывается» (с помощью алкоголя, наркотиков, асоциального поведения, депрессивных приступов и пр.). Типы (1) и (2) в данной иерархии рассматриваются как разрешение конфликтов, специфическое для тех или иных психических расстройств.

3. *Личностное* разрешение (возникает более или менее осознанная направленность личности на конструктивное разрешение конфликта, усложняющее структуру личности). Этому сопутствует обретение зрелой культурно-нравственной идентичности, обретение необходимого внутреннего равновесия и готовности к развитию. Данный тип разрешения предполагает усвоение личностью общепринятых культурно-нравственных, психологических и поведенческих достижений данной этнокультуры.

4. *Сущностное (творческое)* разрешение конфликта. Это разрешение может иметь двойную направленность: а) *нравственно положительную*: к этнофункциональной психической архегении, к сущности — в этом случае личность обретает дополнительный энергетический (адаптационный) потенциал, степень ее организации возрастает. Здесь творческая личность развивает родную культуру, открывает для себя и для других новые органичные элементы этнофункциональной психической архегении; б) и *нравственно отрицательную*: от сущности, к увеличению степени выраженности этнофункциональной психической архегении, к разрушению личности, ее внутренней диссоциации. В этом случае степень организации психики снижается, т.к. устремляясь к экзотической для нее этнофункциональной психической архегении личность образует в себе экзотический анклав, у нее образуются, как минимум, две антагонистические направленности — на свою и на чуждую сущность. Типы (3) и (4) рассматриваются как способы разрешения конфликтов, присущие здоровой психике.

В *нравственно положительном* смысле *творчество* теоретически определяется как *результат развития архегеничной личности*. Творческий (адаптационный, энергетический) потенциал психики человека тем выше, чем ниже степень архегеничности его личности. Условием творческого процесса является, например, появление в архегеничном этноиде этнофункционально рассогласованного («экзотического») элемента, обуславливающего необходимый для творчества исходный психологический конфликт. Архегеничная личность в процессе творчества ассимилирует в целостную психику этнофункционально рассогласованный элемент за счет образования новых структурных связей с собственной этнофункциональной архегенией — тем самым усложняя структуру психики, повышая степень ее организации, целостности и повышая психической адаптационный потенциал данного человека. Творчество архегеничной личности способствует укреплению психического и нравственного здоровья человека. Имеются, в частности, экспериментально-психологические результаты, подтверждающие, что «укорененность» в собственной этнокультуре обуславливает более высокий уровень творческого интеллекта по Торренсу (Сухарев, 2004). Творческая активность есть актуализация психической энергии, а запас этой энергии (адаптационный потенциал) возрастает по мере восстановления системных связей психики с собственной этнокультурой — природно-биологическими, общественно-культурными

ми и нравственно-конфессиональными условиями внутренней и внешней среды человека в ее историческом развитии.

Напротив, если рассогласованный («экзотический») элемент ассимилируется анархегеничной личностью (*нравственно отрицательный смысл творчества*), то это обуславливает снижение творческого, адаптационного потенциала психики, ее астенизацию. «Экзотический» элемент включается, в этом случае, не в целостность психики, но образует экзотический анклав внутри ее, тем самым, нарушая эту целостность. Теоретически, психические расстройства и творчество рассматриваются как различные степени разрешения психологических конфликтов, обусловленных нарушением этнофункционального психического развития (соответственно, низшей и высшей). Прибегая к метафоре, в данном случае можно сказать, что есть «творение зла» и «творение добра» (с позиций христианства Люцифер пытается, но все же не может истинно творить, он лишь «обезьяна Господа»).

В таком понимании творчества состоит возможное объяснение часто встречающегося сочетания одаренности, талантливости и тех или иных психических расстройств. Это открывает определенные перспективы применения этнофункционального подхода в решении известной проблемы соотношения одаренности («гениальности») и наличия у человека психических расстройств (Сегалин, 1926; Эфроимсон, 1971). Нарушения этнофункционального психического развития, с одной стороны, являются движущими силами развития личности, с другой, при значительной степени выраженности ее анархегении — энергетические затраты могут оказаться непосильными, что ведет к астенизации личности, ее психической дезадаптированности.

Этнофункциональную психотерапию (коррекцию) можно определить как восстановление нарушений этнофункционального психического развития в процессах «личностного» и «сущностного» разрешения психических конфликтов (см. выше). Это восстановление осуществляется, во-первых, в процессе воспитания целостной системы отношений личности (аффективных, когнитивных, двигательных) к ее этнофункциональной психической архегении.

В философско-методологическом смысле психическое развитие, согласно Платону, можно понимать как процесс «припоминания» уже заложенного в психике человека с рождения, но проявляющегося и осознаваемого в результате того, что учитель в процессе обучения и воспитания своевременно «напоминает» ученику (Платон, 1968, с.34-42). Сходную мысль о соотношении «заложенного» и реально существующего высказывал К.Г. Юнг, рассматривая соотношение понятий «архетипа» и «архетипического представления» (Hark, 1988, S.25-29). В применении к процессу психического развития можно сформулировать: человек в процессе обучения и воспитания «припоминает» содержание и последовательность стадий этнофункциональной психической архегении. Чем более обучение и воспитание соответствуют содержанию и последовательности стадий конкретной этнокультуры и чем лучше человек «припоминает» ее, тем лучше он наследует (усваивает) достижения данной культуры и тем здоровее психически и нравственно он становится. В связи со сказанным — воспитание и психопрофилактика в этнофункциональном подходе — единый процесс. Данный этап (тип) психотерапии мы обозначаем как «*этногерменевтику*». По существу в процессе этногерменевтики осуществляется *наследование культуры* (е

«воспоминание»), а сама этногерменевтика и есть процесс образования (обучения и воспитания) человека. Этногерменевтика, будучи направленной на идеальный образ здоровой психики (этнофункциональную психическую архегению), обеспечивает правильное воспитание личности, необходимый уровень ее обученности и психопрофилактику возможных психических расстройств и социально отклоняющегося поведения.

Во-вторых, собственно психотерапия (коррекция) помимо этногерменевтики включает в себя этап «*этнодиссонанса*» (усвоение культуры). В ходе этнодиссонанса болезненный симптом (синдром), понимаемый как этнокультурно экзотический элемент в психике человека (отношение, состояние, процесс), во время психотерапевтического сеанса — беседы, группового обсуждения, гипноидного погружения, психодрамы и пр. — осознается и переживается пациентом как противоречие с собственной этнофункциональной психической архегенией (сущностью). В процессе этого необходимого переживания (*Василюк, 1984*), «страдания» (от «страда» — напряженная работа) личность либо отторгает данный симптом, либо осознает необходимость его творческой ассимиляции. В зависимости от типа личности (архегеничной или анархегеничной) процесс творческой ассимиляции может способствовать облегчению или утяжелению болезненных проявлений. «Личностный» и «творческий, нравственно положительный» типы разрешения личностью этнофункционального психического конфликта (повышение степени организации психики) ведут к облегчению тяжести ведущей симптоматики, «распад» и «задержка» — к ее утяжелению (снижению степени организации психики).

Системообразующая роль отношений личности к группе климато-географических этнических признаков позволяет рассматривать их в качестве исходных для построения целостного этноида. В качестве клинического критерия этой «исходности» полагается переживание данным человеком чувства «прилива сил», радости и т.п. (субъективное чувство повышения адаптационного потенциала), при обсуждении с ним определенных, родных для него образов природы. Например, если человек, родившийся в средней полосе России, декларирует, что хочет постоянно жить там, где «зимы нет», но в состоянии гипноидного погружения испытывает радость и прилив сил (признак восстановления отношений с собственной сущностью — этнофункциональной психической архегенией) от предлагаемого психотерапевтом образа зимнего ландшафта, то это понимается как показатель неорганичной включенности в его психику соответствующего этнофункционального рас-согласования — негативного отношения к зиме (своего рода «интроект»). Данное положение имеет определенные клинические и экспериментальные основания (*Сухарев, 2004*).

ОБЩИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

В целом, экспериментальные результаты, подтверждающие правомерность этнофункционального подхода в психотерапии, были получены в области аффективной патологии, детской психиатрии, психолого-педагогических проблем в школьном и дошкольном возрасте (коррекция и психопрофилактика), а также наркологии (*Сухарев, 1999*) и психосоматики (*Сухарев, Тимохин,*

Шапорева, 2004). Результаты ранее проведенных исследований показали, что этнофункциональное рассогласование отношений ко всем трем группам этнических признаков (ландшафтно-климатических, расово-биологических и социокультурных, включая конфессиональные) является вероятностным критерием разделения эндогенных аффективных расстройств от психогенных, а также разделения опиоидной наркомании от алкоголизма и зависимостей от психостимуляторов (первитин, кокаин, некоторые токсические вещества) (Сухарев, 1999). Исследования показывают также, что нарушения этнофункционального психического развития на сказочно-мифологической стадии, особенно в возрастном периоде 2-4 года, связаны с наличием этнофункциональных рассогласований отношений к группе ландшафтно-климатических этнических признаков, а нарушения на религиозно-этической стадии (особенно в возрасте 5-8 лет) с наличием рассогласований отношений к группе социокультурных (конфессиональных) признаков (Сухарев, 2004; Тимохин, 2005). Кроме того, например, «выпадение» или этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии и «задержка» религиозно-этической стадии связаны с возникновением наркоманий и алкоголизма. В свою очередь при аффективных расстройствах: «выпадение» сказочно-мифологической стадии при относительно благополучной религиозно-этической — имеет место ведущий тоскливый аффект, при выпадении сказочно-мифологической и задержке религиозно-этической — апатический аффект, при этнофункциональном рассогласовании содержания сказочно-мифологической стадии и слишком раннем начале религиозно-этической — тревожный аффект и т.д. В целом возможна этнофункциональная классификация психических и психосоматических расстройств по типу «таблицы Менделеева» (Сухарев, 2003).

Эффективность этнофункциональной психотерапии с применением контрольных групп исследовалась с 1996 по 2005гг. на следующих возрастных и клинических группах: 1) у взрослых — аффективная патология, наркология; 2) у детей и подростков — умственная отсталость, аффективные расстройства, наркология, онкология, психопрофилактика (Сухарев, 1999; 2003; 2004 и др.).

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОТЕРАПИИ ЗАВИСИМОСТЕЙ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Как показывают исследования, этноид не всегда может детерминироваться культурно-экологическими условиями рождения и проживания конкретного человека {т.е. «экзопсихически» в смысле А.Ф. Лазурского (1997)}. По нашим экспериментальным данным, эндопсихическая (внутренняя) детерминация этноида, рассогласованная с этнокультурными условиями рождения и проживания человека, имела место у 5% обследованных 180 героиновых наркоманов. В процессе гипноидного погружения пациентам предлагались, в частности, описания различных ландшафтов и климатических условий, как соответствующих, так и существенно отличающихся от таковых в регионе их рождения и проживания. У 9 человек эмоционально окрашенное чувство прилива сил наблюдалось именно при «погружении» в экзотические ландшафтно-климатические условия, а у остальных — только по отношению к родной природе и климату. Исходя из методологических представлений о системности (примордиальности) этничности и системнос-

ти этнофункциональных связей вещественных и психических элементов внутренней и внешней среды человека, этническая функция конкретных психоактивных и наркотических веществ, традиционно употребляемых в тех или иных этнокультурных условиях, должна совпадать с этнической функцией тех состояний, которые они вызывают в психике человека. Психические состояния, процессы и отношения, активизируемые или возникающие вследствие приема этих веществ, традиционно «привычны» для конкретной этнокультуры. Эти элементы психики этнофункционально согласованы с традиционными природно-климатическими условиями существования данного этноса или этнической системы и расово-биологическими особенностями их предшественников («природно-биологическая защита»), а также гармонично включены в социокультурном отношении в традиции, обряды, уклад данной этнокультуры («социокультурная защита») (Брюн, 1993). Если прием тех или иных психоактивных или наркотических веществ, традиционно включенных в определенную этнокультуру, осуществляется человеком, родившимся и проживающим в этнокультуре, существенно отличающейся от первой, то возникающие у него психические состояния являются этнофункционально рассогласованными со всей структурой психики этого человека. Это и обуславливает возникновение у него состояний психической дезадаптированности (например, наркоманий).

Например, традиционное употребление опиума (курение), включенное, например, в буддистскую культуру стран Индокитая (в частности, Бирмы), северо-западной Индии или канобиоидов марокканцами, владеющими секретными племенными языками (племя бамбара), не вызывает у данных этнофоров патологической зависимости (Натан Тоби, 1997). В христианской Европе и других регионах употребление этих чуждых в этнофункциональном смысле психоактивных веществ, в общем случае, не позволяет конкретному потребителю найти адекватные когнитивные, эмоциональные и моторно-поведенческие формы интеграции возникающих состояний в свою целостную психику. Он не может понятно для себя и для других описать ни своих переживаний, ни представлений (алекситимия).

Наблюдения за больными, страдающими зависимостью от препаратов опиума, отмечает И.Н. Пятницкая, показывают, что одна из фаз после приема опиоидов сходна с «тихим покоем», описываемым в художественной литературе под названием нирваны» (1994, с.215). Состояние отрешенности, которое обретают потребители опиоидов, в традиционно буддистских регионах имеет некоторый нравственно-положительный смысл, ввиду его видимого сходства с состоянием нирваны и другими ценностно-положительными состояниями психики в буддизме — чувством «отрешенности от мира», «отсутствием желаний» и др. Естественно, что подобные ценности являются весьма сомнительными с точки зрения христианства вообще, и, тем более, православия. Как показывают исследования (Личко, Битенский, 1991; Пятницкая, 1994), а также наши наблюдения, опиоидное опьянение в целом связано с чувством эйфории, удовольствия как полной душевной и физической самодостаточности и отсутствием стремления к какой-либо активности.

По сравнению с опиоидным опьянением, употребление алкоголя и психостимуляторов — первитина, кокаина, наркотизация парами некоторых сортов клея обладают одной общей особенностью. Их употребление (а также употребление гал-

люциногенов), как правило, в той или иной мере связано на определенной стадии опьянения с усилением психической активности, направленной либо внутрь, либо вовне — проявляющейся в идеаторной, аффективной и моторно-поведенческой сферах (Пятницкая, 1994).

Потребители опиоидов в Европе и других регионах относятся к протестной контркультуре (субкультуре), так или иначе связанной с буддистским мировоззрением и привнесенной, в частности, в Россию (а также в Европу и Америку) извне. Мы разработали методiku, по которой в гипноидном психотерапевтическом погружении эти достаточно поверхностно усвоенные установки «дезактивируются», и человек со своими базальными эндо- и экзопсихическими структурами при воображаемом употреблении наркотика остается «один на один» с психоактивным действием опиоидов, относящихся к «чуждой» этнокультуре (т.н. психотерапевтическая «провокация» или «иммунизация» (Сухарев, 1999). При этом пациент переживает широкий спектр депрессивных чувств, ощущений и представлений.

Из наблюдавшихся нами случаев опиоидной наркомании в процессе описанного выше гипноидного погружения пациенты испытывали чувства тревоги, страха, отвращения, физической и душевной подавленности, апатии, тоски, чувство нереальности происходящего, чувства «находимости внутри сферы», одиночества, а также депрессивное восприятие блеклости или монохромности («серости»), ранее («до укола») ярких и разнообразных красок и т.д. Ни о каких положительных эмоциях или «кайфе» (сленг) в этом состоянии слышать от пациентов не приходилось никогда (за исключением редких случаев у истерических личностей, маскирующих свои истинные чувства). Это явление может объясняться, на наш взгляд, отсутствием у пациентов соответствующего языка, понятийного аппарата и опыта описания традиционно-сложившегося мироощущения, соответствующего опиоидам в этнофункциональном смысле. Эмоционально-положительные переживания после приема опиоидов «в жизни» пациенты испытывали, только уже «втянувшись» в наркотик — как избавление от тягостных переживаний в реальном мире вследствие длительной наркотизации.

Переживая в гипноидном состоянии «провокацию» употребления опиоидов («как бы употребление»), пациенты испытывали депрессивные чувства, по видимому, вследствие невозможности описать ту природно-биологическую и этнокультурную реальность, которая имеет этнофункциональное «средство» с этими психоактивными веществами. Получение удовольствия, «кайфа» от употребления опиоидов, описываемые пациентами в «бодрствующем» состоянии, можно объяснить той особой субкультурой, в которую включено представление об этих наркотиках как о дорогих, «престижных» психоактивных веществах, дающих состояние отрешенности и т.п. В состоянии гипноидного погружения субкультурные установки, привнесенные из иных культур, регионов и связанные с «чуждым» мироощущением для человека, родившегося и живущего в центральной России, отходят на второй план, и психоактивное действие опиоидов осуществляется, как правило, уже с более «ядерными» психическими структурами пациента, в этнофункциональном смысле рассогласованными с состояниями, возникающими непосредственно вследствие употребления этих наркотиков.

В отличие от опиоидов, потребление психостимуляторов, а также галлюциногенов, при употреблении которых в начальной фазе действия проявляется пси-

хостимулирующий эффект, напротив, обуславливает сверхвключение в собственную культуру на идеаторном, эмоциональном, поведенческом уровнях. Вследствие этого в гипноидном состоянии в момент «провокации» они не испытывают обычных проявлений психического этнофункционального диссонанса (тревогу, тоску и пр.), но обычные при приеме конкретного психостимулятора приятные переживания, представления, активность и пр. Однако из-за чрезмерной стимуляции все же происходит перерасход энергии, который наркоманы этой группы субъективно переживают в виде депрессии только лишь после приема наркотика — как в действительности, так и по выходе из гипноидного состояния после психотерапевтической «провокации».

Хорошим примером, иллюстрирующим эту мысль, является существование в США целой «кокаиновой эпидемии» среди бизнесменов, работников шоу-бизнеса и т.п., где требуются «активность, энергичность, продуктивность» — т.е. ценности протестантской культуры капитализма (Вебер, 1994). Люди, у которых возникают проблемы с кокаином, не являются в США и Европе абсолютными изгоями как героиновые наркоманы и не вызывают легкого презрения как люди, склонные к алкогольным излишествам (относительно более христианского, «православного» психоактивного вещества). Потребление кокаина «искупается» повышением продуктивности труда, социально-престижными достижениями.

Далее в Примерах 1 (наркология) и 2 (аффективная патология) рассматривается одна из форм психотерапевтической работы — погружение в «гипноидное» состояние, в частности, с психотерапевтической «провокацией» («иммунизацией»), по смыслу, — этнодиссонанса.

В состоянии общего мышечного расслабления «на кушетке» пациенту (здесь и далее это состояние пациента обозначается как «гипноидное») предлагают «припомнить» содержание сказочно-мифологической стадии собственного психического развития (сказки и пр.) или предлагают рассказать о своих чувствах и ассоциациях в связи с предложенными психотерапевтом образами природы. Следует отметить, что введение пациента в гипноидное состояние не является «суггестией», как внушение или «подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервно-психических процессов» (Гаспаров, 1993, с.101-102,875). В данном случае не оказывается суггестивного воздействия на болезненные симптомы и пр. у пациента, но предлагается ему рассказать о своих чувствах и ассоциациях подобно тому, как это происходит при кататимном переживании образов по Лейнеру (Козлов, 1995). В указанном состоянии человеку легче отвлечься от повседневности и сосредоточиться на своих глубинных мыслях и переживаниях, которые часто отличаются от таковых при обычной его включенности в эту повседневность. Это позволяет человеку более отчетливо вербализовать когнитивно-аффективный след от «внутренней картины» собственного этнофункционального психического развития (Наман Тоби, 1997).

В принципе может использоваться широкий набор конкретных методов, «нанизанных» на этнофункциональную методологию — психодрама, арттерапия, природотерапия, музыкотерапия и др. (Личко, Битенский, 1991; Менегетти, 2003).

В каждом из приведенных ниже примеров пациенты от разрешения психических конфликтов на уровне «распад» к завершению цикла психотерапии

приходили к «личностному» уровню разрешения. «Творческий» (сущностный) уровень разрешения конфликтов встречается крайне редко и, в целом, практического значения почти не имеет (в качестве одного из примеров такого разрешения можно рассматривать разрешение душевного кризиса у Мартина Лютера, вылившееся в пересмотр целыми народами тысячелетних догматов (см. Розанов, 1990, с.6). В приведенных примерах у пациентов были диагностированы нарушения этнофункционального психического развития на сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях — в форме этнофункциональных расогласований, а также «выпадений» и «задержек». Ввиду недостаточности места в нижеследующих примерах использован не весь научный аппарат этнофункционального подхода.

Пример 1. Пациент Р, родился в Армении, курд по национальности, возраст 29 лет. Диагноз — героиновая наркомания. Отец и мать пациента — курды — йезиды. По словам пациента, «наша вера — огнепоклонники, но я неверующий». [Религиоведческая справка: верования йезидов восходят к зороастризму, но осложнены элементами других древнеиранских верований. Также здесь прослеживаются влияния ислама, иудаизма, христианства несторианского толка и идолопоклонничества. Придерживаясь идеи двух начал — добра и зла, света и тьмы, йезиды считают носителем добра бога-демиурга — Езда, а носителем зла — сатану (шайтана). Йезиды поклоняются огню и, соответственно, солнцу, особенно при его восходе]. В отношении ландшафтно-климатических предпочтений, пациент хотел бы жить на родине, в Армении (хотя, уже в течение 10 лет и до момента обследования, пациент жил и работал в Москве). В питании он предпочитал национальную кухню. В воспоминаниях детства до 4 лет отметил наличие приятных образов родной природы и отсутствие сказок — «выпадение» сказочно-мифологической стадии. О понятиях «Бог», «грех», «справедливость» никогда не задумывался — «выпадение» религиозно-этической стадии.

Этап этногерменевтики (цель — в определенной мере восстановить отсутствующие у пациента сказочно-мифологические олицетворения представлений о природных стихиях).

1 сеанс. Погружение в гипноидном состоянии в родной ландшафт — горы, луга, быстрая каменистая река. Возникло чувство спокойствия, легкой грусти, небольшой прилив сил.

2 сеанс. Аналогичное погружение. Единственное отличие от первого сеанса — прилив сил ощущался уже более значительный (нарастающий эффект этногерменевтики).

3 сеанс. Погружение в гипноидном состоянии в «четыре стихии» — в воду (встреча с образом водяного), в землю (образ лешего), в воздух (вихрь и буря), в огонь (встреча с огненным змеем).

При погружении в глубь озера и описании психотерапевтом образа «зеленоватого, расплывающегося лица, обрамленного колыхающимися в темной глубине волосами», пациент испытал чувства страха, тревоги.

При встрече в лесу человека, похожего на корявый пенёк и постепенно превращающегося в громадную ель, пациент также испытал чувства тревоги и страха.

При описании психотерапевтом «огромного огненного змея, вырвавшегося из-под корней дерева, зажегшего это дерево и опалившего своим жаром» пациента, у последнего «не возникло никаких чувств».

При встрече на опушке леса с «вихрем и бурей, срывающей листву с деревьев», пациент испытал чувства «страха и раздражения».

Этап этнодиссонанса

4 сеанс. Психическая иммунизация (провокация). Погружение в родной ландшафт — «употребление» героина — возвращение в родной ландшафт. После «употребления» героина в гипноидном состоянии и последующем возвращении в родной ландшафт, пациент отметил, что «исчезли голоса птиц», солнце стало менее ярким. Возникло сильное чувство вины, чувства «душевной слабости», «отлива сил» и, вместе с тем, радость от того, что «вернулся к родным горам». После выхода из состояния гипноидного погружения у пациента возникло чувство облегчения.

Анализ результатов погружения в «четыре стихии» показывает, что отсутствие каких-либо чувств пациент обнаруживает именно по отношению к стихии огня. Мы полагаем, что это свидетельствует об относительно слабой психической связи пациента с этой стихией по сравнению с другими стихиями. Интерпретируя этот факт, заметим, что пациент считает «огнепоклонничество» религией своих родителей и предков в целом. Обсуждение этой интерпретации с пациентом (*этнодиссонанс*) после сеанса погружения произвело на него шокирующее впечатление — он глубоко задумался, долго молчал и отметил, что «наверное, это очень важно для меня» (осознание отношения к религиозно-этической стадии, внутреннее разрешение конфликта на *личностном* уровне, как осознание смысла родовых связей со стихией огня). В процессе психотерапии *степень выраженности этнофункциональной психической анархегении пациента снизилась*, как по отношению к сказочно-мифологической стадии (здесь — осознание чуждости состояния героинового опьянения архегеничным для пациента природным условиям), так и по отношению к содержанию стадии религиозно-этической. Наличие позитивных эмоций и переживание «прилива сил» являются показателями преимущественно *экзопсихической* обусловленности героиновой зависимости. В катанезе у пациента наблюдалась двухгодичная ремиссия.

Пример 2. Пациент родился и проживает в средней полосе России (возраст 25 лет), госпитализируется повторно, болен в течение двух лет. Диагноз при поступлении: «эндогенная депрессия в рамках процессуального заболевания». Ведущий аффект — тревожно-тоскливый. В процессе структурированного этнофункционального интервью до начала психотерапии пациент описал следующие предпочтения по группам этнических признаков. Ландшафт и климат: горы, реки с водопадами, пальмы, слоны и т.п.; зимой средняя температура -18°C , летом $+25^{\circ}$ — $+30^{\circ}\text{C}$. Предпочтение тех или иных антропологических особенностей не дифференцированы; любимые продукты питания — бананы, ананасы, груши, яблоки. Мировоззрение: «Верю, может быть, в Иегову, православия не придерживаюсь». В воспоминаниях о детстве в возрасте до 4 лет отмечал, что ему читали «сказки народов мира и “Снежную королеву”», своего отношения к природе в этом возрасте не помнит. Т.е. здесь имело место этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической (отношение к ландшафтно-климатическим признакам и этнофункционально разнородные сказки) и религиозно-этической стадий (отношение к секте «Свидетелей Иеговы»).

К психотерапевтическим сеансам относился с нарастающей заинтересованностью — от первого до последнего занятия. Вначале испытывал затруднения в понимании инструкций, был малоактивен; далее произошло значительное усиление активности, улучшилось качество вербализации эмоций; стал лучше понимать инструкции, общительнее. Основные трудности пациент испытывал в самом начале этапа *этногерменевтики*, в творческой работе по сказочно-мифологическому осмыслению природной среды. В конце этого этапа он зачастую давал весьма впечатляющие правительные догадки о традиционно-мифологическом смысле тех или иных явлений (что могло быть известно только специалистам по древнему славянскому фольклору).

В процессе психотерапии (всего было проведено 16 сеансов) у пациента произошли следующие изменения в отношении к этническим признакам. Пациент исключил из этноида отрицательный регистр температур («зимы не бывает»), что, на наш взгляд, свидетельствует об улучшениях в когнитивной сфере, так как сочетание пальм, слонов, бананов и зимы с -18°C явно нереалистично с позиций географии. В состоянии гипноидного погружения пациент испытывал положительные эмоции и «прилив сил» по отношению к данному ландшафту, этнофункционально рассогласованному с регионом его рождения и проживания. Это свидетельствует о преимущественно *эндопсихической* обусловленности данного психического расстройства. Произошло также незначительное изменение в мировоззрении — вместо: «верю, может быть, в Иегову», пациент предпочел «общехристианскую веру». Этноид пациента в процессе психотерапии, следовательно, стал внутренне более цельным, гармоничным, что мы рассматриваем как позитивное психическое изменение (разрешение внутреннего конфликта на *личностном* уровне). В то же время обращает на себя внимание факт, что этот образ стал еще менее соответствовать реальной природной среде больного. В процессе *этнодиссонанса* он в течение небольшого промежутка времени — на одном занятии — проявил чувства тревоги, отчуждения, чувство собственной «инаковости» в реальном мире, переходящие к сильной радости, уверенности, надежде в связи с пониманием его внутренних стремлений и эмоций психотерапевтом и другими членами группы. Внутренняя гармонизация этноида и усиление у пациента чувства собственной «инаковости» свидетельствуют, на наш взгляд, об отсутствии необходимости, ненужности изменения последнего в сторону большего соответствия этнофункциональной среде, что подтверждается значительными позитивными сдвигами в психике пациента. Эти проявления отражают *снижение степени выраженности этнофункциональной психической анархегении* у пациента на первых двух стадиях этнофункционального психического развития, что и может обуславливать конструктивные сдвиги в психике пациента.

По данным клинической диагностики (лечащим врачом) до и после психотерапии у пациента констатированы существенные позитивные сдвиги по основной симптоматике: снижение чувства тревоги, повышение активности и качества общения. Результаты экспериментально-психологического исследования показали, что чувства самоуничтожения и бесцельности существования сменяются эмоционально-волевой направленностью на преодоление трудностей и ослаблением тревожности (по методике Люшера). Также зафиксированы снижение уровня общей невротизации и тревожности, большая интеллектуальная продуктивность и гармониза-

ция взаимодействия аффективной и когнитивной сторон процесса психической адаптации, ослабление некоторых признаков латентного нарушения полоролевой идентичности (по методике Роршаха).

Данный пример иллюстрирует внутреннюю гармонизацию этноида пациента и экспликацию и осознание пациентом отличия и связи его этноида с реальной этнокультурной и природной средой его рождения и проживания. Теоретически, в психотерапевтических целях, возможно также и более или менее длительное изменение этой среды, то есть миграция индивида из одной этносреды в другую, что также может дать определенный терапевтический эффект («этнофункциональное погружение»).

СПЕЦИФИКА ТЕХНИКИ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Характер этнофункциональной психотерапии с различными типами зависимостей, и другими психопатологическими симптомами и синдромами, определяется их этнической функцией, а также эндо- или экзогенной обусловленностью данных расстройств (Сухарев, 2004). При экзопсихически обусловленных расстройствах (Пример 1) следует восстанавливать целостность отношений пациента к этнокультуре его рождения и проживания — к родной природе и климату, соответствующей сказочно-мифологической и религиозно-этической культуре и пр. (этногерменевтика) и прорабатывать возникающие в процессе этнодиссонанса противоречия между восстановленной системой его отношений и психическими состояниями. При эндопсихически обусловленных расстройствах характер работы существенно иной. Здесь эндопсихическая структура личности в той или иной мере этнофункционально рассогласована с традиционной этнокультурой рождения и проживания пациентов (Пример 2). В этом случае необходимо не только восстанавливать систему отношений пациентов с этнокультурой их рождения и проживания (особенно в том случае, если их место жительства в перспективе остается неизменным), но и восстанавливать целостность их отношений к эндопсихически обусловленным экзотическим образам — ландшафтным, культурным — собственной этнофункциональной психической архегенией. В этих случаях может быть полезен «метод этнофункционального погружения» (там же), при котором пациент на более или менее длительный срок реально меняет свои этнокультурные условия жизни в соответствии со своими внутренними мотивами, определяемыми совместно с этнофункциональным психотерапевтом. В клинических условиях этнофункциональное погружение может осуществляться как создание психотерапевтической среды в форме информационной блокады и дозированных этнофункциональных информационных воздействий (Сухарев, 1999).

Сам процесс восстановления целостности когнитивной, аффективной и двигательной сторон отношений пациентов к различным группам этнических признаков может осуществляться на всем многообразии содержания определенной этнокультуры — сказках, мифах, музыкальных и танцевальных образах, традиционных образцах поведения, обрядах, ритуалах, религиозных этических и эстетических правилах и нормах. В частности, пациенту может быть предложено «припомнить» образ «реки жизни», отражающей филогенез его этнокультуры — т.е. здесь выявляются его отношения к собственному этнофункциональному психическому развитию — к девственным природным ландшафтам, языческим и затем, хри-

стианским символам и т.д. Может быть также использована психотерапевтическая проработка этнофункциональных расхождений в процессе психодрамы, психоаналитического подхода К.Г. Юнга (этнической функцией в этом случае наделяются архетипические представления пациента, например, при анализе сновидений) и других более частных методов и способов психотерапии — природотерапии, сказкотерапии, арттерапии, с использованием отдельных техник гештальттерапии и т.д. Этнофункциональную психотерапию следует дифференцировать от сходной по названию «этнотерапии» Гауснера и Кочовой (Блейхер, Крук, 1995) — различие состоит в том, что этнотерапия опирается на этнопсихологический (типологический) подход, не учитывающий все многообразие и «мозаичное» этнокультурное содержание этнически маргинализированной психики жителей современных мегаполисов.

В заключение следует отметить, что применение этнофункционального метода в психологии представляет собой методологическое переосмысление теории отношений А.Ф. Лазурского (1997) и В.Н. Мясищева (1995), культурно-исторического подхода Л. Леви-Брюля (1994), К. Леви-Стросса (1985) и Л.С. Выготского (1982-1984) в свете некоторых положений этнологии (Бромлей, 1983). По замечанию К.А. Абульхановой-Славской (1997), значение концепции В.Н. Мясищева заключается в том, что была установлена связь между психопатологией (невротическими расстройствами) и общей психологией личности. В свою очередь, психологический этнофункциональный подход устраняет разрыв между принципиальным пониманием психологических адаптационных затруднений в рамках общей психологии (в норме) и пониманием таковых не только при невротических, но и при эндогенных расстройствах. В связи с этим, с позиций этнофункционального подхода представляется возможным описание «нормы» и психопатологии на общем языке различных типов этнофункциональной психической анархегении, этнических функций эндо- и экзопсихического содержания отношений больных эндогенными расстройствами, а также обоснование дифференцированной работы с различными зависимостями от наркотиков различных типов и алкоголя, интернета, игровых автоматов и пр.. В отношении психопрофилактики наркоманий и алкоголизма этнофункциональный подход также открывает возможность осуществлять ее без обращения к теме «психоактивных веществ», т.к. последняя активизирует у молодежи интерес к данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К.А.* Проблема личности в психологии // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (ред. А.В.Брушлинский). — М.: Институт психологии РАН, 1997.
- Аристотель.* Поэтика // Риторика. — М.: Лабиринт, 2000.
- Блейхер В.М., Крук И.К.* Толковый словарь психиатрических терминов (ред. С.Н.Боков). — Воронеж, НПО «МОДЭК», 1995.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983.
- Брюн Е.А.* Введение в антропологическую наркологию // Вопросы наркологии, № 1, 1993, с.72-78.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. — М.: МГУ, 1984.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 томах. — М.: Педагогика, 1982-1984, Т.1;Т.3.
- Гаспаров М.Л.* Поборник классического образования // Русская словесность, № 3, 1993, с.11.

- Гусельцева М.С.* Образование и общество: духовно-гуманистическая парадигма // Журнал прикладной психологии, № 1, 2003, с.16-25.
- Давыдов Ю.Н.* Кризисное сознание // Современная западная социология. — М.: ИПЛ, 1990, с.143-144.
- Зеньковский В.В.* Психология детства. — Екатеринбург: Деловая книга, 1995, с. 37-75.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. — М.: Правда, 1989.
- Козлов В.И.* Этнос // Этнические и этносоциальные категории, Вып. 6, — М.: ИЭА РАН, 1995.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. — М.: Когито-Центр, 1997.
- Кураев А.* Сатанизм для интеллигенции, Ч. 1,2, — М.: “Отчий дом”, 1997.
- Курек Н.С.* Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь. — М.: ИП РАН, 1996.
- Лазурский А.Ф.* Избранные труды по психологии. — М.: Наука, 1997.
- Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. — М.: Старый сад, 1998.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М.: Наука, 1985.
- Личко А.Е., Битенский В.С.* Подростковая наркология. — Л.: Медицина, 1991.
- Менегетти А.* Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии. — М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003.
- Мясищев В.Н.* Психология отношений. — М.: Академия педагогических и социальных наук, 1995.
- Натан Тоби.* Профилактическое просвещение и разнообразие культур // Наркостоп. Ежеквартальный бюллетень ЮНЕСКО совместно с Европейской комиссией, № 0, 1997.
- Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. — М.: Издательская корпорация «Логос», 1995.
- Оситов В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях. — Берлин: Госиздат, 1923.
- Пезишкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия. — М.: “Смысл”, 1993.
- Пятницкая И.Н.* Наркомания. — М.: Медицина, 1994.
- Платон.* Соч. Т.2. — М.: Мысль, 1968.
- Розанов В.В.* Сумерки просвещения. — М.: Педагогика, 1990.
- Сегалин Г.В.* Клинический анализ гениальности и одаренности, Т.2, вып. 4, — Л.: 1926.
- Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. — СПб.: СПГУ, 1996.
- Сухарев А.В.* Методические рекомендации по этнофункциональной психотерапии зависимостей от наркотических веществ // Журнал прикладной психологии, 1999, № 6, с.64 — 125.
- Сухарев А.В.* Этнофункциональная классификация психических расстройств как основа их профилактики // Журнал прикладной психологии, 2003, № 1, с.12-16.
- Сухарев А.В.* Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике. — М.: АГЗ МЧС РФ, 2004.
- Сухарев А.В., Тимохин В.В., Шапорева А.А.* Этнофункциональный подход в детской онкологии // Вопросы психологии, 2004, № 3, с.37-51.
- Тимохин В.В.* Этнофункциональный аспект процесса психического развития. Автореферат дисс. канд. психол. наук. — Москва: ПИ РАО, 2005.
- Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии, № 4, 1993, с.4.
- Тойнби А. Дж.* Постигжение истории. — М.: Прогресс, 1991.
- Флоренский П.А.* Оправдание космоса. — СПб.: “РХГИ”, 1994.
- Харнер М. Дж.* Путь шамана. — М.: Палантир, 1994.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. — М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Шахматов А.А.* Предисловие к словарю Академии Российской 1789-1794гг., т. I, с. VII.

- Шпенглер О.* Закат Европы. Т.1. — Новосибирск: ВО “Наука”, 1993.
- Эфроимсон В.П.* Иммуногенетика. — М.: Медицина, 1971.
- Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, 1993.
- Brown G.S., Harris T.* The Social Origins of Depression: A Study of Psychiatric Disorder in Women. — New York: The Free Press, 1978.
- Devereux G.* Ethnopsychanalyse. — Frankfurt / M.: Surkamp Verlag, 1978.
- Dittrich A., Scharfetter Ch.* (Hrsg.) Ethnopsychtherapie. — Stuttgart: Enke, 1987.
- Dorsch F.* Psychologische Wörterbuch. — Stuttgart: Enke, 1976.
- Geertz C.* The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Geertz C.(Ed.). The Interpretation of Cultures. — N.Y.: 1973.
- Hark H.* (Hrsg.). Lexikon Jungischer Grundbegriffe. — Breisgau: Walter-Verlag Olten und Freiburg, 1988.
- Kleinman A.* Writing on Margin: Discurs between Anthropology and Medicin. — Berkley: Univ. Calif. Press, 1995.
- Obeyesekere G.* Depression, Buddhism, and the Work of Culture in Sri Lanka. // Kleinman A., Good B. (Ed.) Culture and Depression. — London: University California Press, 1985. p.134-153.
- Pfeifer W.M., Schoene W.* (Hrsg.). Psychopatologie in Kulturvergleich. — Stuttgart: Enke, 1980.
- Wolberg L.R.* The technique of Psychotherapy. — N.Y.: Harper and Row, 1954.